

Кто знатностью мне равен?»
А поглядишь – так нет его подлея.
Для истины давно он глух и слеп;
Как мертвеца, его поглотит склеп.
И тот, кто молвил, что людей природа
Лишь дерево с душою,
Всю ложь, идя дорогою кривою,
Домыслить не сумел.
Ошибку императора не скрою:
Неверно, что порода
Важней всего, затем богатство рода
(Так он сказать хотел).
Богатство – благородства не предел,
Не уменьшает и не умножает
Его, затем что изменно оно.
То примет полотно,
Во что себя художник превращает.
И башню не сгибает
Река, что издалека протекает.
Богатства подлы низкие желанья,
Но где предел стяжанья?
Все золотое манит нас руно.
Дух истиннолюбивый и прямой
Все тот же и с мошною, и с сумой.
«Не стать мужлану мужем благородным –
Его отец не знатен», –
Твердят всечасно. Этот взгляд превратен.
Вступают люди в спор
Сами с собой, но смысл им непонятен.
Им кажется природным,
Что только время делает свободным
И знатным. Этот вздор
С упрямством защищают до сих пор:
«Мы знатны все, или мы все мужланы.
Коли не так – то вечен род людской».
Но с мыслию такой
Не соглашусь. Поймите, нежеланны
Для христиан обманы
И домыслов смущающих туманы.
Так вот, отвергнув лживое ученье,
Скажу я в заключенье,
Чтоб обрести достойных мыслей строй,
О знатности – как в этот мир сошла
И благородных каковы дела.
От корня одного берут начало –
В них обещанье рая –
Все добродетели, нас побуждая
Идти в лучах светил.
И Этика, премудрость отражая,
Как истину – зеркало,
Нам только в середине указала
Игру свободных сил.
Так благородства свет предвозвестил
Нам добродетель; подлое деянье
Таит лишь зло, досаду и печаль,